

О СКИФСКОМ И НЕСКИФСКОМ В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (ПАМЯТНИКИ ДНЕПРО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ V – IV вв. до н. э.)¹

В 2002-2006 гг. на страницах журнала «Вестник древней истории» прошла дискуссия об этнической принадлежности памятников скифского времени Среднего Дона, инициированная В.И. Гуляевым (Гуляев, 2002). Участвующие в дискуссии стороны изложили свои основные аргументы и соображения. Новые публикации, в частности, заключительная статья (Гуляев, 2006) показали, что к дискуссии на том уровне, как она была задумана изначально, в общем-то, добавить особо нечего. Может быть, продуктивнее вести спор по отдельным пунктам «подписываясь», как у мирового судьи, под теми из них, где между спорящими сторонами достигнут определенный консенсус.

Мне представляется, что в статье, положившей начало дискуссии, изначально был задан не совсем продуктивный ракурс, нацеленный на продвижение авторской точки зрения о скифской принадлежности среднедонских курганов. Между тем, хорошо известно, что назвать какую-либо культуру скифской далеко не тоже самое, что аргументировано доказать ее принадлежность именно скифам как конкретному этносу. Это возможно лишь при соблюдении как минимум двух неперемennых условий:

1. При наличии достоверных свидетельств нарративных источников о присутствии скифов в том или ином регионе;

2. Путем доказательства идентичности археологических памятников, например, Лесостепи, бесспорно, скифским курганам Северного Причерноморья. При этом совпадение должно наблюдаться по существенным критериям (погребальные сооружения и обряд, его специфические особенности, изделия местного производства, произведения искусства и т.п.).

Дискуссия на страницах «Вестника древней истории» по, казалось бы, периферийным аспектам скифологии, остро обнажила некоторые назревшие методологические проблемы нашей науки. Одна из них – проблема понимания самой скифской археологической культуры. Может быть, она не стоит так остро для большинства украинских скифологов, работающих со степными скифскими памятниками Северного Причерноморья V–IV вв. до н.э. Однако с нею постоянно сталкиваются практически все исследователи, занимающиеся этнокультурными аспектами «скифского мира». Без ее разработки нам никогда не удастся определить, если так можно сказать, степень «скифизации» степных и лесостепных культур древней Европы, решить вопросы о соотношении курганных могильников и городищ в глубине Лесостепи, о возможности вхождении населения последней в состав скифской кочевой государственности и многое другое. Более

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту № 09-01-56108 а/ц.

строгая дефиниция скифской классической АК и уточнение этномаркеров собственно скифов, позволит освободить науку от той вольной или невольной путаницы в культурных и этнических определениях, которые еще встречаются в современной скифо-сарматской археологии. На эту серьезную проблему не так давно обратила внимание Т.М. Кузнецова (*Кузнецова, 1999: 67-70*). Но, похоже, ее интересные соображения (и опасения) не особенно сказались на исследовательской кухне скифологов.

Впервые скифы «появляются» в Лесостепи, и в частности на Среднем Дону в работах исследователей почти сто лет назад (*Ростовцев, 1914; Спицын, 1918*). Но смею утверждать — здесь они были локализованы отнюдь не в результате скрупулезного анализа исторических или археологических источников, а путем простого логического умозаключения: «скифская культура» = скифы. Поэтому встает закономерный вопрос: какое содержание тогда вкладывали в понятие «скифская культура»?

Как известно, в конце XIX в. это понятие было образовано от античного этнонима «скифы» и поэтому с самого начала несло в себе немалую этническую нагрузку. Но, как показала история нашей науки XX в., само по себе введение древнего этнонима в название АК чревато негативными последствиями. Недавний поучительный пример дает история с «савроматской» археологической культурой Южного Приуралья, где, как выяснилось, исторических савроматов, описанных Геродотом, никогда не было. С другой стороны, мы часто упускаем из виду, что на понимание природы скифской культуры у корифеев начала XX в. неизгладимый отпечаток накладывал характер имевшихся в их распоряжении археологических источников, Это были почти исключительно инвентари из раскопок наиболее заметных и богатых курганов. К тому же в руки археологов тогда, как правило, попадал не весь комплекс

погребального инвентаря, а наиболее яркая его часть. В результате исследователи начала XX в. могли работать лишь, так сказать, с «выборкой из выборки». Кажется, именно это обстоятельство во многом предопределило понимание М.И. Ростовцевым скифской культуры, прежде всего, как культуры верхних, господствующих слоев общества, «царей и высшей феодальной аристократии» (*Ростовцев, 1914: 80*)². Но, при всем уважении к классикам, соответствует ли такое понимание скифской культуры уровню современной скифологии? Вряд ли. В XX в. были раскопаны тысячи степных скифских курганов различного социального статуса, в том числе, масса рядовых. С другой стороны, несмотря на единство многих категорий сопровождающих инвентаря и некоторых общих элементов обряда, со временем обозначились заметные отличия степных скифских могильников от синхронных им лесостепных некрополей (*Граков, Мелюкова, 1954*). В последних проявляются локальные особенности отдельных групп лесостепных памятников при их очевидном большем или меньшем отличии от степных, собственно скифских. Я исхожу из того, что для более адекватного понимания проблемы «скифы и Лесостепь» надо четко различать старую историографическую традицию и непосредственные данные источников, фонд которых постоянно пополняется (*Алексеев, 2003: 115*). В процессе исследования последние обладают бесспорным приоритетом перед пусть и яркими, но все же уже ставшими достоянием историографии традициями прошлого, и тем более цитатами из сочинений именитых ученых почти столетней давности.

Ранее я раскрыл некоторые научные принципы, а главное указал тот фактический материал, который заставляет меня придерживаться старой «гелонобудинской» гипотезы принадлежности памятников скифского времени на Среднем Дону (*Медведев, 2002: 154-167*). Отмечу лишь,

² Справедливости ради, надо указать, что сам М.И. Ростовцев хорошо осознавал неполноту археологических источников, на которых была построена его концепция единой скифской культуры. Он признавал, что не смог опереться на формы погребальных сооружений, так как эта сторона мало и плохо изучена (*Ростовцев, 1925: 309*). На это обстоятельство справедливо обратил внимание В.Д. Березуцкий (*2002: 138*).

что со времен П.Д. Либерова она базировалась на комплексном анализе как письменных, так и археологических источников (Либеров, 1969: 5-26). Правда, в свете новых открытий кое-что из нее пришлось исключить (тезис о местных истоках среднедонской культуры, о финно-угорской принадлежности ее носителей), кое-что пришлось добавить (Медведев, 1999: 120-144).

Почему я не нахожу в источниках оснований для локализации собственно скифов на Среднем Дону? Действительно, к концу VI в. до н.э. в лесостепном Подонье сложилась культура скифского типа, ярче всего представленная в материалах воронежских курганов. Но с самого начала она *далеко не идентична классической скифской*, на чем так упорно настаивает мой оппонент В.И. Гуляев. Он настойчиво акцентирует внимание читателя на сходстве, иногда вплоть до полного тождества, некоторых категорий инвентаря из воронежских курганов, с одной стороны, и Причерноморской Скифии IV в. до н.э., с другой. При этом в качестве весомого аргумента постоянно привлекаются пространные цитаты из работ М.И. Ростовцева и других именитых археологов (Гуляев, 2001: 26-31; 2002: 152; 2004: 14-17). Сходство это несомненно, на что обращалось внимание и ранее (Медведев, 1999: 121). Но, как уже неоднократно указывалось, практически все перечисленные В.И. Гуляевым категории погребального инвентаря для Среднего Дона являются *импортом*, продукцией ремесленных центров, в том числе, расположенных вне Скифии (серебряные круглодонные кубки, мечи с золотыми накладками на рукояти, женские золотые украшения и т.п.). Безусловно, они характеризуют культуру местной военно-аристократической верхушки, которая, как и всякая элитарная культура, носила синкретический характер, но никак не ее этнос. Я же ставлю вопрос о степени близости среднедонской и классической степной скифской культуры, так как никакой другой культуры V–IV вв. до н.э., достоверно оставленной скифами, мы не знаем.

Высокая степень общности многих элементов материальной культуры и погребальной обрядности в Степи и Лесостепи скифского времени сильно затрудняет

выявление локальной этнокультурной специфики. Тем не менее, она есть и в последнее время успешно выявляется исследователями. При несомненном сходстве, вплоть до тождества некоторых категорий инвентаря, среднедонская культура обладала рядом локальных отличий. Напомню только некоторые массовые археологические проявления культурного своеобразия той части среднедонского населения, которая оставила курганные некрополи типа Частых и Мастюгинских курганов. Прежде всего, это *местные формы лепной керамики* («вазы» и «ритуальные сосудики» с парными проколами под венчиком), *литые бронзовые котлы скифского типа, но с рельефными «усами» под ручками, своеобразие в наборе вооружения* (некоторые оригинальные типы акинаков, обилие находок наконечников дротиков с рюмковидными втоками, железные втульчатые двулопастные наконечники стрел — последние нигде больше массово не встречаются кроме Среднего Дона), *зооморфные поясные крючки, наконечники, среднедонской вариант звериного стиля*. Они ярко характеризуют субкультуру этноса, оставившего воронежские курганы, выделяя ее среди других синхронных культур «скифского мира». По сравнению со скифскими степными курганами несомненным своеобразием обладают и сами воронежские могильники. Основная масса их погребений принадлежала лицам весьма близкого социального статуса. Здесь нет того количества «рядовых» погребений, которые известны в каждом крупном скифском могильнике. Но главное отличие от погребальной обрядности степных скифов я вижу в господствующем типе погребальных сооружений — *это деревянные столбовые гробницы больших размеров* (свыше 50% курганов), не характерные для причерноморских скифов V–IV вв. до н.э. Именно в них совершались захоронения среднедонской знати, тогда как скифские катакомбы здесь неизвестны. Это обстоятельство явно противоречит основному тезису В.И. Гуляева о единстве элитарной культуры Скифии от Дуная до Дона, на чем собственно и держится концепция скифской государственности в Степи и Лесостепи. Если бы на Среднем Дону в IV в. до н.э. действительно правили «отпрыски того же правящего

династического рода из племени «скифов царских» (Гуляев, 2001: 29), то как тогда объяснить, что их хоронили в погребальных сооружениях совсем иных типов, нежели скифских номархов? Весьма показательно, что попытка опровергнуть этот тезис свелась лишь к ссылке на единичные случаи открытия таких погребальных сооружений в Степной Скифии (Гуляев, 2006: 179). Однако следует напомнить, что на более чем тысячу степных погребений V–IV вв. до н.э., учтенных В.С.Ольховским, приходится не более пяти, совершенных в столбовых гробницах. Здесь нелишне напомнить, что этот исследователь не без основания связывал их появление в Степи с влиянием традиций лесостепного населения (Ольховский, 1991: 42–43).

С другой стороны, на Среднем Дону не встречен ряд существенных признаков, ярко характеризующих собственно культуру классических скифов Северного Причерноморья второй половины V–IV вв. до н. э. именно как этноса. К числу ее отличительных признаков относятся погребальные сооружения преимущественно в *катакомбах* с преобладанием западной ориентировки погребенных, обычай возводить на насыпях каменные изваяния, использовать металлические шумящие навершия, совершать захоронения *коней и «соумирающих» ферапонтов* в аристократических курганах и т.д. Все эти, как впрочем, и другие признаки в силу каких-то причин отсутствуют в курганах Среднего Дона. Думаю, отсутствуют далеко не случайно. Другие аргументы, недавно приведенные в пользу «скифскости» создателей среднедонских курганов (Гуляев, 2006: 187–190) выглядят или недостаточно корректными (институт воинственных женщин-амазонок существовал отнюдь не только у савроматов и скифов, но и, например, у тюркоязычных народов Средневековья (Плетнева, 1993: 9–20)) или пока неподтвержденными (например, заключение об антропологическом сходстве – ведь до сих пор не опубликован сравнительный анализ краниологических серий из курганов Среднего Дона и собственно скифских).

Сущность «среднедонского феномена» я вижу в наличии здесь ярко выраженной

культуры скифского типа (скифоидной, скифообразной), в которой наряду с «общескифским» компонентом (в культурном смысле этого не очень удачного термина) заметна несомненная *локальная специфика*. Помимо указанных различий она проявляется и в типах памятников – в распространении на Среднем Дону, как впрочем, и в других локальных вариантах лесостепной культуры, не только курганных некрополей, но и многочисленных городищ и неукрепленных поселений, тогда как в Степной Скифии V–IV вв. до н. э. мы знаем почти исключительно лишь погребальные памятники. На это весьма существенное различие в структуре степных и лесостепных памятников более полувека назад обратили внимание исследователи (Граков, Мелюкова, 1954: 73). Поэтому признать среднедонскую культуру или даже среднедонские курганные могильники собственно скифскими в узком смысле (т.е. принадлежащими скифам как конкретному этносу) я не могу. Не могу еще и потому, что в нашем распоряжении нет никаких прямых свидетельств о пребывании скифов на Среднем Дону. Ссылка В.И. Гуляева на известное сообщение Геродота о том, что кочевья скифов царских местами доходили до Танаиса (*Herod.: IV. 20*) бьет мимо цели, так как явно не имеет никакого отношения к Среднему Дону. Там речь идет о совсем иной территории – степных владениях базилидов по побережью Меотиды. Да и истоки «феномена среднедонских курганов» лежат не на степном скифском Юге, а на западе, в Украинской Лесостепи эпохи архаики³. Они восходят к традициям лесостепных курганных могильников Поднепровья, что признает и В.И. Гуляев. С другой стороны, им не принимаются во внимание прямые свидетельства «отца истории» о будинах и переселившихся в их землю гелонах (*Herod.: IV. 21, 108–109*). Перекрестный анализ весьма определенных данных Геродота однозначно свидетельствует о том, что по его представлениям «земля будинов» находилась на периферии Скифии где-то у северо-восточного угла «Скифского квадрата», между савроматами низовий Дона и тиссагатами его верховьев (Медведев, 2002: 158–161).

Мне кажется, лучше всего этническую принадлежность среднедонского населения с курганным обрядом захоронения раскрывает уникальное свидетельство Аристотеля: «У скифов, называемых гелонами, водится редкое животное, называемое таран-дом» (*De mir. ausc.*: 30). Из этого сообщения видно, что для Аристотеля гелоны были скифами — в IV в. до н. э. этот этноним уже употреблялся в расширительном смысле для обозначения кочевников Северного Причерноморья. В то же время, они были все же какими-то «особыми» скифами⁴, поскольку сохранили свой этноним и занимали вполне определенную территорию, ту самую, где водилось интересующее Аристотеля загадочное животное. Важно, что это сообщение Стагирита относится как раз ко времени наибольшего расцвета среднедонской культуры — к 30-40-ым годам IV в. до н. э. Весьма показательны, что его современник, Эфор, отнес гелонов, наряду с савроматами и агафирсами, к числу «славнейших из кочевников» (FGH 70 F 158). На основании свидетельства Эфора В.П. Яйленко допускает существенное изменение этнокарты Скифии в IV в. до н. э. по сравнению со временем Геродота (Яйленко, 2007: 63-69). Независимые от античной литературной традиции данные археологии (расцвет курганной культуры на Среднем Дону), также подтверждают возросшую роль кочевников-гелонов в жизни Скифии IV в. до н. э.

В свете приведенных выше археологических данных и свидетельств Аристотеля и Эфора о гелонах-скифах и гелонах-кочевниках наши расхождения с В.И. Гуляевым по

поводу этнокультурной принадлежности людей, оставивших воронежские курганы, кажутся не так уж и велики. На уровне археологического анализа они как раз упираются в вопрос о мере близости среднедонских курганов и собственно скифских степных памятников. Мой уважаемый оппонент из работы в работу доказывает их тождество. Я же, признавая несомненное сходство значительной части их инвентаря, не могу не замечать и весьма существенных отличий, указывающих на своеобразие среднедонских курганов, не говоря уж о городищах. Причем, и это важно еще раз подчеркнуть, вышеназванные отличия проявляются не в каких-то уникальных вещах импортного производства, а в массовом материале явно местного происхождения. В связи с этим хотелось бы напомнить, что в этнологии есть понятие «активные этнические признаки» — те, которые отличают одну этническую общность от другой, с которой она находится в сравнении (Бромлей, 1973: 65). Думаю, что среди вышперечисленных отличительных признаков субкультуры среднедонских курганов (столбовые гробницы, лепные вазы, «ритуальные сосудики», бронзовые котлы «с усами» и т.п.) могли быть и такие, которые были значимы для ее «этнофоров» — населения лесостепного Подонья V–IV вв. до н. э., оставившего эти курганные могильники. Как мне представляется, только таким путем — путем скрупулезного учета меры сходства и степени различия среднедонской и степной скифской культур можно непротиворечиво согласовать вполне определенную античную

³ При этом не следует забывать, что подлинные имена носителей РСК в Лесостепи до нас не дошли. Может быть, среди них были кочевники, которых звали skuda-scythai. Но, проникнув в лесостепные районы и освоившись в них, за несколько поколений они, видимо, так обособились друг от друга и смешались с местным населением, что к концу VI в. до н. э. (время Гекатея) и тем более к середине V в. до н. э. (время Геродота) ни одного этнонима кроме, возможно, скифов-аротеров в Лесостепи они не удержали. Да и античные источники архаической эпохи ни разу прямо не упоминают скифов в Северном Причерноморье. О сложности проблемы этнической принадлежности т. н. «ранних скифов» см.: Медведев, 2004: 15.

⁴ В то же время, видеть в них «скифов отложившихся» не позволяет текст «Истории» Геродота, помещавшего этот народ на далеком северо-востоке (*Доватур и др.*, 1982: 248). По его рассказу между средним течением Танаиса, где находится «земля будинов», и областью расселения «скифов отложившихся» сначала идет «пустыня на расстояние более семи дней пути», а дальше начинается территория многочисленного народа тиссагетов, где проживал еще один охотничий народ — иирки (*Herod.*: IV. 22-23). Как известно, решить вопрос о локализации «скифов отложившихся» в среднедонском Правобережье Б.А. Рыбакову «удалось» только при помощи методики «ножниц и клея», грубо препарировав текст «Истории» Геродота (*Рыбаков*, 1979: 116-122).

традицию о населении по берегам Танаиса в его среднем течении и данные современной археологии. Свидетельства античной литературной традиции и археологические материалы независимо друг от друга указывают на то, что сложившаяся здесь со времени Геродота этнокультурная ситуация была гораздо более сложной и уж во всяком случае — не такой однозначной, чтобы ее без насилия над источниками можно было непротиворечиво описать при помощи старой гипотезы «скифы на Среднем Дону». В то же время укажу, что этнокультурная ситуация на Среднем Дону существенно отличалась и от той, которая сложившаяся в V–IV вв. до н. э. в Днепровском Лесостепном Правобережье. Здесь С.А. Скорому, кажется, действительно удалось выявить присутствие скифского компонента (*Скорый, 2003*).

Пока мы спорили о том, кто же проживал на Среднем Дону в скифское время, наука не стояла на месте. Совершенно неожиданно открылся еще один интереснейший аспект этой проблемы — на рубеже XX и XXI веков в лесостепном Правобережье Северского Донца стали известны курганные могильники, которые оказались во многом близки синхронным среднедонским (*Медведев, 2005: 92-103*). На могильнике Старый Мерчик были проведены масштабные раскопки, выявившие серию погребений второй половины V–IV вв. до н.э. (*Бандуровский, Буйнов, 2000*). Чуть позже были введены в научный оборот материалы раскопанного еще в конце 70-х годов XX в. В.Г. Бородулиным могильника Песочин (*Бабенко, 2005*). В результате новейших полевых исследований и публикации материалов старых раскопок к началу XXI в. выборка исследованных курганных погребений скифского времени на Северском Донце (около 200 комплексов) стала вполне соизмеримой со среднедонской. Но дело даже не в количестве, а, прежде всего, в качестве нового археологического материала из Харьковской области. Даже самое поверхностное знакомство с ним дает во многом иную картину погребальной обрядности и материальной культуры северскодонецкого населения, практиковавшего курганный обряд захоронения, нежели это представлялось ранее (*Либеров, 1962*).

В харьковских курганных могильниках V–IV вв. до н.э. сразу обращают на себя внимание две существенные детали. Большинство из них возникли на новом месте (насыпи части курганов у с. Старый Мерчик были сложены из культурного слоя более ранних поселений) и не были топографически связаны с курганами архаической поры, что, возможно, действительно свидетельствует о приходе новых групп населения (*Бабенко, 2005: 193-194*). Некоторые могильники насчитывали по несколько десятков, а то и сотен насыпей. Как правило, они занимали присклоновые участки на высоких мысах и были удалены на значительное расстояние от ближайших городищ, где постоянно проживало оседлое население. Подобная топография отличает и все курганные могильники в Правобережье Среднего Дона. Практически совпадает и время существования среднедонских и северскодонецких курганных некрополей — вторая половина V–IV вв. до н. э. при абсолютном преобладании комплексов середины — второй половины IV в. до н.э. (*Бабенко, 2005: 171*).

Наиболее яркую черту недавно открытых курганных могильников на Северском Донце представляет весьма характерный тип погребальных сооружений в виде деревянных гробниц столбовой конструкции, ранее здесь практически неизвестных. Они серийно представлены в могильнике Старый Мерчик и в меньшей степени — в Песочине. Могилы имеют прямоугольную, иногда почти квадратную в плане форму. По устройству последние настолько близки среднедонским, что если бы не подписи в публикациях под рисунками, их можно было бы однозначно принять за среднедонские. От последних они отличаются лишь более скромными размерами. На сегодняшний день, это, пожалуй, наиболее яркий и массовый признак сепаратной близости могильников скифского времени лесостепного Подонья и Правобережья Северского Донца.

На Северском Донце преобладали меридианально ориентированные погребения. В курганном могильнике у с. Черемушны Валковского р-на Харьковской области ориентировка головой в южном

направлении составляла 77,7% (Буйнов, Шевченко, 2004: 32-34). По этому признаку они более близки посульским курганам и несколько отличаются от среднедонских, где у погребенных доминирует ориентация головой в юго-западный и, в меньшей мере, в противоположный северо-восточный сектора. Налицо высокая степень общности не только в устройстве погребальных сооружений, но и многих категориях погребального инвентаря среднедонских и северскодонецких курганов V–IV вв. до н.э. В первую очередь обращает на себя внимание близость, хотя и не идентичность керамических комплексов этих двух групп могильников. На Северском Донце не менее половины керамических находок составляют вазообразные сосуды, чаще без ручек, но иногда с одной или даже двумя ручками, очень близкие среднедонским «вазам» (Бандуровский, Буйнов, 2000: рис.51, 2-4, 6). В то же время, в харьковских курганных погребениях, хотя и не часто, но все же встречались горшки, идентичные местной городищенской посуде. На Среднем Дону последние ни разу не входили в состав инвентаря курганных погребений.

Весьма близким оказался и набор прочего инвентаря среднедонских и северскодонецких курганов. Особая близость этих двух групп памятников проявляется в присутствии пряжек-сюльгам, наносников, украшенных фигуркой зайца, втоков для дротиков рюмкообразной формы, железных черпаков (Бабенко, 2005: 158). Следует согласиться с заключением харьковских археологов, что престижный погребальный инвентарь курганных погребений в среднем течении Донца в процентном отношении не уступает, а иногда и превосходит аналогичные показатели многих степных памятников и некоторых среднедонских могильников (Бабенко, 2004: 33). В то же время, в отличие от среднедонских курганов, в массе своей содержащих

аристократические и воинские захоронения, в могильниках Песочин и Старый Мерчик погребения знати все же составляли меньшую часть курганных захоронений. Около половины курганов содержали рядовые могилы, сопровождаемые скромным инвентарем, в том числе, лепными горшками, чего мы не наблюдаем на Среднем Дону. Однако все же курганы №№ 2-12 могильника Старый Мерчик дали целую серию погребений в столбовых гробницах, инвентарь которых, несмотря на сильное ограбление, со всей очевидностью свидетельствует о принадлежности некрополя местной знати и воинам. Но даже среди них явно выделялось погребение в кургане № 11. В состав его инвентаря входил круглодонный серебряный кубок с позолотой, меч с рукоятью, обложенной золотом, пара наконечников дротиков, наконечник копья, бронзовые кнемиды, остатки плети со спиральной золотой лентой, золотые нашивные бляшки, импортная посуда и многое другое. Уже эти находки заставляют сопоставить этот комплекс с хорошо известным курганом № 3 группы Частых близ Воронежа, где в 1911 г. также были найдены знаменитый серебряный сосуд с изображением скифов и меч с рукоятью, обложенной золотом.

Для нашей темы важно, что курганные могильники V–IV вв. до н. э. по среднему течению Донца демонстрируют во многом иную культурную традицию, заметно отличную от степной скифской. И это притом, что курганы скифов находятся в непосредственной близости от северскодонецких. Но как это ни удивительно, археологические признаки присутствия степных скифов именно в это время здесь минимальны – на Донце открыто не более 4-5-ти катакомб (чуть более 2%), одно каменное и еще одно деревянное изваяние. Попутно замечу, что на Суле и Среднем Дону нет ни тех, ни других⁵. Еще сильнее

⁵ Ссылка В.И. Гуляева на известные Бориспольские курганы под Киевом, где погребения IV в. до н.э. совершались в катакомбах степного типа, мало что меняет в оценке степени распространения этого типа погребальных сооружений в Левобережной Лесостепи. Как известно, Приднепровская Террасовая Лесостепь по своим природно-ландшафтным условиям имеет характер узкого, вытянутого на север вдоль Днепра степного языка. Поэтому распространять этнокультурную ситуацию в Приднепровской Террасовой Лесостепи на всю Украинскую Лесостепь вряд ли правомерно.

курганные некрополи Харьковщины отличаются от синхронных им курганов, расположенных в низовьях Северского Донца по берегам р. Быстрой типа Шолоховского и Сладковских курганов (Максименко, 1983: 29-32). В тоже время бросается в глаза несомненная близость курганных некрополей по среднему течению Северского Донца, особенно у с. Старый Мерчик классическим среднедонским. Она проявляется как в топографии могильников, так и в широком использовании деревянных столбовых гробниц того же типа, что и на Среднем Дону. Как уже отмечалось, явное сходство наблюдается и в наборах погребального инвентаря. Все это требует объяснения.

Один из ведущих исследователей северскодонецких курганов Л.И. Бабенко пришел к интересному заключению о более широком территориальном распространении «среднедонского феномена», вызванного чрезвычайно близкими культурно-историческими процессами (Бабенко, 2002: 157-158). Он попытался их конкретизировать, указав в качестве возможной причины обогащения лесостепных племен их участие в войнах скифских царей в качестве союзников. Это предположение может удовлетворительно объяснить лишь богатство и однотипность инвентаря среднедонских и северскодонецких курганов V–IV вв. до н.э., но не близость устройства их погребальных сооружений и некоторых деталей обряда, иногда вплоть до идентичности. Мне кажется, высокая степень сходства среднедонских и северскодонецких некрополей на фоне отличия их обрядности от памятников смежных территорий V–IV вв. до н. э. (степных скифских, «сирматских» в низовьях Донца) могла иметь и более глубинные причины, в том числе на уровне особой, «сепаратной» этнокультурной близости носителей курганного обряда погребения в двух соседних лесостепных регионах – на Среднем Дону и Северском Донце. В свою очередь, последняя может пролить свет на одну из самых сложных тем этногеографии Леостепной Скифии – проблему локализации геродотовых будинов и меланхленов, а также на вопрос о соотношении этих двух этносов.

Большинство современных исследователей отождествляют население, оставившее северскодонецкие памятники, с меланхленами Геродота (Шрамко, 1962: 233-234; Бандуровский, Буйнов, 2000: 119-123; Бабенко, 2005: 203; Гречко, 2008: 10-11). В связи с этим следует вспомнить, что еще более ста лет назад немецкие исследователи связывали греческий этноним «меланхлены» с черным цветом шерсти разводимых ими овец или с черными овечьими шкурами, в которые они одевались (Tomaschek, 1888: 116; Reichardt, 1889: 108). Не так давно И.В. Пьянков предложил интересную гипотезу, позволяющую рассматривать меланхленов как часть большого и многочисленного народа будинов (Пьянков, 1994: 202). Исследователь обратил внимание на любопытное свидетельство Аристотеля о будинах, которые разводят только овец черного цвета. *«Приведем еще и следующее известие сына Никомахова: он говорит, что у будинов, живущих вокруг Кариска, не рождаются белые овцы, но что все они черные»* (Ael. Hist. anim. XVI. 33). Таким образом, единственная, бросающаяся в глаза этнографическая черта, отмеченная Геродотом для меланхленов – **черный цвет их верхней одежды** – более чем вероятно и для будинов, использовавших по свидетельству Аристотеля лишь шерсть черных овец. Гипотезу И.В. Пьянкова приняли современные исследователи (Щеглов, 2002: 258-268). А.Ю. Алексеев развил ее далее, высказав весьма плодотворную мысль, что в случае с меланхленами (*«одетыми в черное»*) название этноса является чисто описательным, тогда как в названии будинов, скорее всего, сохранился этноним в собственном смысле слова (Алексеев, 2003: 80). Более того, исследователь допускает тождество этих народов, не осознававшееся древними авторами прежде всего в силу разных систем описания, применявшихся к ним. Правда, А.Ю. Алексеев считает, что территории обитания «будинов-меланхленов» и просто будинов очерчиваются разные: для первых – это ареал юхновской культуры, для вторых – городецкой. Однако мне представляется, что такая локализация интересующих нас этносов противоречит свидетельствам Геродота, который всегда упоминает их по соседству. Противоречит

и явно бросающееся в глаза археологическое различие двух вышеназванных культур (Медведев, 2004: 109-115). Если же мы примем локализацию меланхленов в среднем течении Донца, а будинов на «обширных пространствах от воронежских до полтавских лесостепей» (Граков, 1971: 131), включая Среднее Подонье, то это противоречие будет снято и на уровне археологии.

В V–IV вв. до н.э. все эти пространства были заняты родственными племенами, оставившими посульский, сейминский, северскодонецкий и среднедонской варианты лесостепной скифоидной культуры. На Дону и Донце ее расцвет как раз приходится на время наивысшего скифского могущества. Скорее всего, не скифы, а будины вместе с переселившимися к ним гелонами, да меланхлены как наиболее южная часть «большого и многочисленного народа будинов» составляли основную массу обитателей лесостепного междуречья Днестра и Дона в геродотово и послегеродотово время. Я не разделяю полностью точку зрения П.Д. Либера, ограничившего «землю будинов» лишь Средним Подоньем. Специальное

исследование диатезы племен «за Танаисом» убеждает в том, что в поле зрения купцов-информаторов Геродота (или его предшественников), попал лишь крайний восточный район «земли будинов», пересекавшийся торговым путем из Гавани борисфенитов в Приуралье (Медведев, 1997: 24-29). Здесь эллинские купцы могли познакомиться с подлинным («туземным») именем этого народа – будины, тогда как к эллинам через скифов совсем иным путем дошел этноним их северных соседей – меланхленов (саударатов). Учитывая особую близость «курганной» культуры северскодонецкого и среднедонского населения V–IV вв. до н.э., следует допустить, что меланхлены являлись иноназванием (греческим экзоэтнонимом) той части большого и многочисленного народа будинов, которая обитала в лесостепном Правобережье Северского Донца. Этот новый ракурс старой проблемы геродотовых будинов и меланхленов еще раз убеждает в том, насколько точен был «отец истории» в «скифском логосе» – он никогда не давал древним этносам случайных и, тем более, придуманных названий.

Литература

- Алексеев, 2003 – Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
- Бабенко, 2003 – Бабенко Л.И. Об этнической ситуации в северскодонецком регионе в IV в. до н. э. // Проблеми історії та археології України. Харків, 2003.
- Бабенко, 2004 – Бабенко Л.И. Античный импорт в погребениях Песочинского могильника // РА. 2004. № 3.
- Бабенко, 2005 – Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005.
- Бандуровский, Буйнов, 2000 – Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). Киев, 2000.
- Березуцкий В.Д., 2002 – Березуцкий В.Д. «Скифы на Среднем Дону» и некоторые вопросы интерпретации археологических источников // ВДИ. 2002. №4.
- Бромлей, 1973 – Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1973.
- Буйнов, Шевченко, 2004 – Буйнов Ю.В., Шевченко В.Б. Новые данные о погребально-поминальной

обрядности у племен северскодонецкой группы памятников скифского периода // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы V Международной конференции 4-6 ноября 2004 г. Харьков, 2004.

- Граков Б.Н., 1971 – Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.
- Граков, Мелюкова, 1954 – Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА. М., 1954.
- Гречко, 2008 – Гречко Д.С. Сіверськодонецька група пам'яток лісостепу східної Європи скіфської доби. Автореф. дис. к. і.н. Київ, 2008.
- Гуляев, 2001 – Гуляев В.И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. Москва, 2001.
- Гуляев, 2002 – Гуляев В.И. Дискуссионные проблемы скифологии (по материалам археологии Подонья) // ВДИ. 2002. № 1.
- Гуляев, 2004 – Гуляев В.И. Еще раз об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V–IV вв. до н.э.) // Археология Среднего

- Дона в скифское время. Труды Донской (Потуданской) экспедиции ИА РАН 2001-2003 гг. М., 2004.
- Гуляев, 2006 – Гуляев В.И. Дискуссионные проблемы скифологии (по материалам археологии Подонья) // ВДИ. 2006. № 1.
- Доватур и др., 1982 – Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Кузнецова, 1999 – Кузнецова Т.М. «Скифы», «скифская культура», «скифская археологическая культура» // Скифы Северного Причерноморья VII–IV вв. до н. э. М., 1999.
- Либеров, 1962 – Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. 1962. № 113.
- Либеров, 1969 – Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА. 1969. № 151.
- Максименко, 1983 – Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов/Дон, 1983.
- Медведев, 1997 – Медведев А.П. Ольвийские торговые пути и степень достоверности этногеографической информации Геродота // Археология. 1997. № 4.
- Медведев, 1999 – Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.). М., 1999.
- Медведев, 2002 – Медведев А.П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону // ВДИ. 2002. № 3.
- Медведев, 2004 – Медведев А.П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004.
- Медведев, 2005 – Медведев А.П. Новый аспект этногеографии Скифии в свете последних раскопок курганов на Северском Донце // Исторические записки. Вып. 11. Воронеж, 2005.
- Ольховский, 1991 – Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991.
- Плетнева, 1983 – Плетнева С.А. Средневековые «амазонки» в европейских степях // Археологические памятники Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1983.
- Пьянков, 1994 – Пьянков И.В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии (критический обзор работ Дж. Р. Гардинер-Гардена) // ВДИ. 1994. № 4.
- Ростовцев, 1914 – Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд // МАР. 1914. № 34.
- Рыбаков, 1979 – Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979.
- Скорый, 2003 – Скорый С.А. Скифы в Днепро-вской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). – К., 2003.
- Спицын, 1918 – Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. Вып. 65.
- Шрамко, 1962 – Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
- Щеглов, 2002 – Щеглов Д.А. Три источника скифской географии Геродота // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб., 2002.
- Яйленко, 2007 – Яйленко В.П., Очерк этнической и политической истории Скифии в V–III вв. до н.э. // Античный мир и варвары на юге России и Украины. М., 2007.
- Tomaschek, 1888 – Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den scythischen Norden // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 1888. I, 11.
- Reichardt, 1889 – Reichardt C. Landeskunde von Skythien nach Herodot. Diss. Halle, 1889.